Ялтинская конференция и Япония

А. КОШКИН
Доктор исторических наук

Во второй половине 1943 года в японском генеральном штабе случилось нечто необычное, там приступили к составлению оперативного плана на 1944 год, в котором впервые предусматривались не наступательные, а оборонительные действия в случае войны с Советским Союзом. Время и причины этого события не случайны. Разгром мощнейшей вражеской бронетанковой группировки на Курской дуге летом 1943 года советскими войсками и последовавший их выход к Днепру завершили коренной перелом в ходе войны СССР с нацистской Германией и ее сателлитами. Теперь даже те представители японской военно-политической элиты, которые настойчиво выступали за нападение на СССР (невзирая на подписанный в апреле 1941 года двусторонний пакт о нейтралитете), озаботились другим - как бы не произошло обратного.

Правительство Японии поставило перед своей дипломатией задачу добиться подтверждения Москвой готовности следовать положениям советско-японского пакта о нейтралитете. Было решено в "обмен" на такое подтверждение, а также на согласие СССР подписать новую рыболовную конвенцию на выгодных для Японии условиях, вернуться к переговорам о ликвидации японских угольной и нефтяной концессий на Северном Сахалине.

Как известно, японское правительство при заключении с СССР пакта о нейтралитете взяло на себя обязательство ликвидировать эти концессии не позже октября 1941 года. Однако, воспользовавшись тяжелым положением Советского Союза после начала германской агрессии, оно вероломно нарушило свои обязательства, заявив в декабре 1941 года, что "для японской стороны разрешить вопрос о ликвидации концессий стало затруднительным"[1]. В Токио строили расчеты на том, что советское руководство ради соблюдения Японией нейтралитета предпочтет "забыть" договоренности о ликвидации концессий. Более того, МИД Японии попытался добиться согласия Москвы на продление еще на пять лет прав проведения японцами на Северном Сахалине разведки на нефть. Хотя это предложение было отвергнуто, японские концессионеры продолжали эксплуатировать недра Северного Сахалина, получая столь необходимые Японии нефть и уголь. Не желая обострять до крайности двусторонние отношения вокруг концессий, что могло быть использовано японским правительством и военными кругами как повод для развязывания войны против СССР, его руководство, хотя и заявляло о необходимости выполнить соглашение о ликвидации концессий, было вынуждено мириться с создавшимся положением.

Однако по мере упрочения позиций СССР на советско-германском фронте, возрастания его роли на международной арене правительство СССР стало требовать выполнения Японией своих обязательств. В июне 1943 года японскому послу в СССР Э.Сато была вручена памятная записка, в которой говорилось: "Советское правительство считает необходимым настаивать на выполнении японским правительством всех обязательств, вытекающих из пакта о нейтралитете".

В стремлении не допустить выхода СССР из договора о нейтралитете 19 июня 1943 года координационный совет правительства и императорской ставки принял принципиальное решение о ликвидации концессий. Однако вместе с официальным сообщением об этом советскому правительству японская сторона выдвинула ряд условий, включая компенсацию за неиспользованное время эксплуатации концессий до 1970 года. Более того, Япония потребовала поставлять ей в течение десяти лет ежегодно 200 тысяч тонн нефти и 100 тысяч тонн угля[2]. Фактически японцы хотели получать нефти в два раза больше, чем сами ежегодно добывали на Северном Сахалине.

Переговоры шли медленно и продолжались до марта 1944 года. Однако было очевидно, что японское правительство не желает ухудшения отношений с СССР и первоначально сознательно завысило свои условия с тем, чтобы затем, отказавшись от них, представить достигнутые договоренности как "жест доброй воли" в адрес СССР. Стремление продемонстрировать "дружелюбие" Советскому Союзу было связано с опасениями японского правительства по поводу возможных договоренностей союзников в Тегеране в отношении Японии. Хотя японцы едва ли могли знать о данном в Тегеране обещании И.Сталина выступить против Японии после победы над Германией, подозрения на этот счет в Токио имелись.

Во время состоявшейся 2 февраля 1944 года беседы с послом США А.Гарриманом Сталин отмечал, что "японцы очень перепуганы, они очень беспокоятся за будущее". Он говорил: "Мы имеем с японцами договор о нейтралитете, который был заключен около трех лет тому назад. Этот договор был опубликован. Но кроме этого договора состоялся обмен письмами, которые японцы просили нас не публиковать. В этих письмах шла речь о том, что японцы обязуются отказаться до окончания срока от своих концессий на Сахалине: от угольной и от нефтяной... Нас особенно интересуют нефтяные концессии, так как на Сахалине много нефти. При обмене письмами японцы обязались отказаться от концессий в течение шести месяцев, то есть до октября 1941 года. Но они этого не сделали до настоящего времени, несмотря на то, что мы несколько раз ставили перед ними этот вопрос. А теперь японцы сами обратились к нам и говорят, что они хотели бы урегулировать это дело".

Гарриман заметил, что это очень хорошее известие.

Сталин продолжал: "Наши люди, имеющие дело с японцами, сообщают, что японцы всячески стараются расположить нас в их пользу. Японцы идут на большие уступки, и поэтому не исключено, что по вопросу о концессиях скоро будет заключен договор.

Другой случай был во время приема в Токио по случаю Нового года. Мы не имеем в Японии военного атташе; там имеются лишь некоторые сотрудники аппарата военного атташе. И вот на этом приеме к одному нашему подполковнику подошел начальник генерального штаба японской армии Сугияма. Сугияма был, очевидно, навеселе и стал говорить этому подполковнику, что он не дипломат и что он хочет поговорить с ним откровенно. Сугияма сказал, что немцы для него никакого значения не имеют, что договор между Японией и Германией - пустая бумажка. При этом Сугияма спросил, может ли он поехать в Москву, чтобы встретиться со Сталиным... Мы, конечно, ничего не ответили и не собираемся ничего отвечать японцам. Но сам факт обращения Сугияма к какому-то подполковнику характерен. Это значит, что японцы боятся..."[3].

30 марта был подписан протокол о передаче Советскому Союзу японских нефтяной и угольной концессий на Северном Сахалине. Советская сторона обязалась выплатить в качестве компенсации пять миллионов рублей и после окончания войны ежегодно экспортировать в Японию 50 тысяч тонн нефти. Одновременно был подписан протокол о сохранении в силе еще на пятилетний срок рыболовной конвенции 1928 года. В этом протоколе в значительной степени были закреплены положения, которые СССР отстаивал в ходе переговоров по рыболовству[4].

В день заключения соглашений с японцами посол США в СССР был проинформирован о том, что теперь сахалинскую нефть Япония сможет получать лишь "после войны", а рыболовная конвенция заключена с выгодными для советской стороны изменениями условий.

В США в целом положительно отреагировали на советско-японские договоренности, расценив их как "показатель определенной победы Советского Союза". Вместе с тем, в американских правительственных кругах мнения разделились. Большинство склонялись к тому, что заключение соглашения о ликвидации концессий является положительным явлением, во-первых, потому, что Япония лишилась сахалинского источника нефти, во-вторых, потому, что оно являлось показателем ослабления Японии. Другие же считали, что потеря сахалинской нефти для Японии не имеет существенного значения. Между тем факт заключения соглашений рассматривался как свидетельство того, что СССР и Япония могут находить общий язык при решении спорных вопросов. Последней точки зрения, сообщал посол Громыко, придерживаются многие в госдепартаменте[5].

КАРДИНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Антисоветски настроенные чиновники госдепартамента втайне не одобряли курс Рузвельта на сближение с Советским Союзом и нередко пытались саботировать выполнение тех или иных решений, в частности по американским поставкам в СССР. Однако решающая роль в выработке политики в отношении Советского Союза принадлежала не им, а военным.

Несмотря на то, что обещание Сталина в Тегеране было сделано в общей форме, и он уклонился от обсуждения конкретных вопросов координации будущих совместных операций на Дальнем Востоке, командование вооруженных сил США со всей серьезностью восприняло слова советского лидера. Заявление Сталина имело далеко идущие последствия. Достаточно сказать, что с учетом советской позиции были внесены значительные коррективы в военные планы США и Великобритании. Перспектива участия СССР в войне с Японией создавала для США принципиально новую ситуацию. О том, насколько для США было важно участие СССР в войне, свидетельствует документ, составленный американцами перед Тегеранской конференцией. В нем отмечалось: "...Наиболее важным фактором, с которым должны считаться США в своих отношениях с Россией, является война на Тихом океане. Если Россия будет союзником в войне против Японии, война может быть закончена значительно быстрее и с меньшими людскими и материальными потерями. Если же войну на Тихом океане придется вести при недружественной или отрицательной позиции России, трудности неимоверно возрастут и операции могут оказаться безрезультатными"[6]. Как отмечал американский историк М.Мэтлофф, заявление Сталина на Тегеранской конференции "наилучшим путем решало эту проблему и снимало столь беспокоивший Рузвельта и Маршалла вопрос"[7].

У.Черчилль признавал, что согласие Советского Союза вступить в войну против Японии меняло обстановку на Дальнем Востоке и запланированные ранее операции в Юго-Восточной Азии в значительной степени потеряли свою ценность. Отказавшись от широкомасштабного наступления американо-английских войск в Юго-Восточной Азии, западные союзники в дальнейшем стратегическом планировании исходили из того, что СССР возьмет на свои плечи разгром японских войск на материке, а США и Великобритания будут действовать в основном силами военно-морского флота и военной авиации. Было принято решение о том, что "основные усилия против Японии должны быть предприняты на Тихом океане"[8], а не на материке.

После высадки войск союзников в Европе 6 июня 1944 года руководители США и Великобритании заметно активизировали свои усилия по скорейшему привлечению СССР к военной кампании на Дальнем Востоке. 19 сентября Ф.Д.Рузвельт и У.Черчилль, ин-

В 1944 году война явно шла к концу. Разбитые немецкие танки ржавели на многих полях России...

формируя Сталина об итогах совещания в Квебеке, сообщали: "Имея в виду конечную цель вторжения в японскую метрополию, мы договорились о будущих операциях в целях усиления наступления против японцев на всех театрах. Согласованы планы быстрой переброски сил на тихоокеанский театр после крушения Германии"[9].

Хотя в Тегеране Сталин говорил о возможности вступления СССР в войну против Японии через шесть месяцев после разгрома Германии, западные союзники продолжали рассчитывать на немедленное нанесение Советским Союзом, по крайней мере, воздушных ударов по Японским островам сразу же после капитуляции Германии. На этом особенно настаивал Черчилль, который 27 сентября 1944 года писал Сталину: "Я искренне желаю, и я знаю, что этого желает и Президент, вмешательства Советов в японскую войну, как было обещано Вами в Тегеране, как только германская армия будет разбита и уничтожена. Открытие русского военного фронта против японцев заставило бы их гореть и истекать кровью, особенно в воздухе, так что это значительно ускорило бы их поражение. Судя по тому, что я узнал о внутреннем положении Японии, а также о чувстве безнадежности, гнетущем ее народ, я считаю вполне возможным, что, как только нацисты будут разгромлены, трехсторонние призывы к Японии капитулировать, исходящие от наших трех великих держав, могут быть решающими. Конечно, мы должны тщательно рассмотреть все эти планы вместе. Я был бы рад приехать в Москву в октябре, если я смогу отлучиться отсюда...".

В своем ответном послании от 30 сентября Сталин подтвердил данное обещание, заявив: "Что касается Японии, то наша позиция остается той же, что была в Тегеране"[10].

В тот же день, 30 сентября, в Токио на императорском совещании была утверждена "Основная программа руководства войной", предусматривавшая укрепление обороны оккупированных территорий и метрополии. На этом совещании была названа "последняя линия обороны" - линия от Курильских островов до территории Бирмы. Корея и Китай, включая Маньчжурию, рассматривались как стратегический тыл. В Токио считали, что стойкая оборона войск на этой "последней линии" могла бы открыть для Японии возможность избежать капитуляции и закончить войну компромиссным миром на основе удержания значительной части оккупированных территорий. Для этого были определенные основания, ибо англо-американские войска, одержав ряд побед в морских сражениях на Тихом океане, оказались неспособными воспрепятствовать развернувшемуся в 1944 году новому наступлению японской армии в Китае, где оккупированные ранее территории на севере и в центре страны были соединены с Индокитаем, а через Малайю - с Сингапуром. В целом руководство Японии делало ставку на затягивание войны. Перейдя к стратегической обороне, оно рассчитывало стабилизировать фронты, выиграть время для пополнения военно-экономического потенциала, а также по возможности нарушить союзническую коалицию СССР, США и Великобритании.

Планируя свои дальнейшие действия, японская ставка исходила из того, что боеспособность военно-морского флота Японии заметно снижалась, а военно-экономический потенциал противника обладал явным преимуществом. Однако Япония сохраняла возможности сдерживать наступление союзников. Перед японским объединенным флотом в мае 1944 года даже была поставлена задача "уничтожить флот противника в решающем сражении"[11].

Япония оставалась сильным противником, разгром которого был возможен лишь при условии объединения усилий всех государств-членов коалиции, включая СССР. Детально обсудить вопрос о войне с Японией лидеры западных держав намеревались на новой встрече руководителей трех держав, с предложением о проведении которой Рузвельт обратился к Сталину еще 19 июля 1944 года. Он писал: "Поскольку события развиваются так стремительно и так успешно, я думаю, что возможно в скором времени следовало бы устроить встречу между Вами, Премьер-министром и мною, г-н Черчилль полностью согласен с этой мыслью". На следующий день такое же предложение внес и Черчилль, который выразил надежду, что встреча состоится "в том или ином месте до наступления зимы"[12].

УТОЧНЕНИЕ ПОЗИЦИЙ

Однако в связи с выдвижением кандидатуры Рузвельта на новый президентский срок было решено провести встречу после выборов в США и официального вступления президента в должность, то есть не раньше февраля 1945 года. Местом встречи, получившей кодовое наименование "Аргонавт", был определен крымский курортный город на Черноморском побережье - Ялта.

В условиях, когда новая встреча "большой тройки" откладывалась, Вашингтон и Лондон поручили своим послам в Москве в предварительном плане обсудить лично со Сталиным вопросы сотрудничества в войне против Японии. 23 сентября такая беседа послов США и Великобритании со Сталиным состоялась. Содержание этой беседы имело весьма важное значение, ибо в ходе нее по сути дела был поставлен вопрос о масштабах участия СССР в войне против Японии. Сталин прямо спросил, идет ли речь о предоставлении США возможности бомбить Японию с советской территории или же союзники хотят полномасштабного участия СССР в войне против Японии. Основное содержание беседы сводилось именно к этому вопросу.

Из записи беседы:

"...Гарриман говорит, что речь идет о составлении планов. Что касается дат, то они могут быть фиксированы лишь после того, как будет разгромлена Германия.

Гарриман говорит, что одним из важных аспектов этого вопроса является предоставление Советскому Союзу тяжелых бомбардировщиков для Дальнего Востока.

Сталин отвечает, что это, конечно, важный вопрос, но если Рузвельт и Черчилль предполагают, что Советский Союз должен принять активное участие в войне против Японии, то он должен сказать, что для этого Советскому Союзу потребуется перебросить на Дальний Восток от 25 до 30 дивизий, высвободив их на Западном фронте. Он хотел бы спросить, произошли ли какие-либо изменения в планах Рузвельта в отношении участия Советского Союза в операциях против Японии.

Гарриман отвечает, что он не имеет такой информации, но может сказать, что в планах англо-американского Объединенного штаба ведения войны против Японии не произошло изменений. Конечно, эти планы составлены англичанами и американцами с учетом лишь их собственных ресурсов. В связи с предстоящим вторжением в Японию большое значение имеет вопрос базирования американских самолетов в Приморском крае.

Сталин спрашивает, идет ли речь только о предоставлении баз или также и о том, что Советский

Крымская (Ялтинская) конференция лидеров великих держав. Ялта, февраль 1945 года.

Союз должен принять активное участие в войне против Японии на суше и в воздухе.

Гарриман отвечает, что он в своем сегодняшнем разговоре с маршалом Сталиным имеет в виду свою беседу с ним в июне. Тогда он, Гарриман, не знал, каковы намерения маршала Сталина. Пока англо-американские планы исходят лишь из англо-американских ресурсов.

Сталин заявляет, что в Тегеране Рузвельт требовал или, вернее, предлагал участие Советского Союза в войне против Японии. Русские дали свое согласие. Позиция русских осталась без изменений. Он хотел бы знать, намерены ли Америка и Англия сами поставить на колени Японию без помощи Советского Союза.

Керр (посол Великобритании в СССР. - **А.К.**) говорит, что, когда он в последний раз виделся с Черчиллем, Черчилль говорил ему, что англичане и американцы рассчитывают на активное участие Советского Союза в войне против Японии.

Гарриман заявляет, что президент, конечно, рассчитывал на помощь Советского Союза со времени Тегеранской конференции. Но в мае президент говорил ему, Гарриману, что он хочет возможно скорее начать разработку планов, имеющих прямое отношение к будущему сотрудничеству вооруженных сил союзников с Красной Армией и Военно-Морским Флотом. Президент надеялся заблаговременно разработать планы, так как переброска вооруженных сил на борьбу с Японией потребует большого времени из-за больших расстояний.

Сталин говорит, что это верно, но нужно знать соображения союзников о том, какую роль они предназначают Советскому Союзу в войне на Дальнем Востоке. Хорошо было бы это знать, чтобы легче принять участие в разработке планов операций против Японии.

Гарриман отвечает, что он уверен, что, как только маршал Сталин изъявит готовность, планы ему будут предоставлены. В планах англо-американского штаба невозможно учесть роль Советского Союза до тех пор, пока англо-американскому штабу не будет известно, каковы пожелания маршала Сталина в отношении использования его вооруженных сил. Как только Сталин будет готов к обсуждению этого вопроса, генерал Дин (военный представитель США в Москве. - **А.К.**) сможет немедленно приступить к этому делу.

Сталин отвечает, что он готов.

Гарриман заявляет, что тогда он будет ожидать от маршала Сталина сообщения о дате начала переговоров.

Сталин отвечает, что об этом Гарриман будет поставлен в известность"[13].

Поставленные Сталиным перед американцами и англичанами вопросы имели весьма важные как чисто военные, так и политические аспекты. Во-первых, необходимо было определить численность и состав выделяемой для войны против Японии группировки. Для этого, естественно, нужно было знать, какие задачи будут перед такой группировкой поставлены. Во-вторых, Сталину было необходимо выяснить, какую роль США и Великобритания отводят СССР в деле разгрома милитаристской Японии. От этого в значительной степени зависело, станет ли Советский Союз полноправным участником победы со всеми вытекающими последствиями в послевоенный период или союзники стремятся отвести СССР ограниченную вспомогательную роль, рассчитывая лишь на использование его территории в качестве баз для своей бомбардировочной авиации. Естественно, последнее едва ли могло устроить Сталина.

Хотя в беседе с американским и английским послами Сталин не раскрывал своих планов, понуждая союзников просить СССР о полномасштабном участии в войне, для себя Сталин к этому времени уже принял решение. Смысл этого решения состоял в том, что Советский Союз после разгрома Германии откроет "второй фронт" на Востоке, используя все виды вооруженных сил - сухопутные войска, военно-воздушные силы и военно-морской флот. Причем участие СССР в войне против Японии представлялось Сталину как самостоятельная военная кампания Советского Союза на Дальнем Востоке. Это решение окончательно оформилось к лету 1944 года.

Маршал Советского Союза А.М.Василевский писал в своих

воспоминаниях: "То, что мне придется ехать на Дальний Восток, я впервые узнал летом 1944 года. После окончания Белорусской операции И.В.Сталин в беседе со мной сказал, что мне будет поручено командование войсками Дальнего Востока в войне с милитаристской Японией. А о возможности такой войны я был уже осведомлен в конце 1943 года, когда возвратилась советская делегация во главе с И.В.Сталиным с Тегеранской конференции. Мне было тогда сообщено, что наша делегация дала союзникам принципиальное согласие помочь в войне против Японии"[14].

В связи с поставленным Сталиным вопросом о задачах советских вооруженных сил в войне против Японии 28 сентября 1944 года Рузвельт одобрил стратегический план, по которому от СССР ожидалось выполнение следующих задач: "Прервать транспортную связь между японской метрополией и Азиатским континентом; разгромить японские войска в Маньчжурии и уничтожить их авиационные части и соединения; обеспечить господство в воздухе над Южным Сахалином и Хоккайдо"[15].

Поверженный Рейхстаг. Теперь у Советского Союза развязаны руки для начала войны на Дальнем Востоке.

Тем временем в Японии крепло осознание неизбежности поражения стран "оси" в войне не только у политиков, но, что было весьма важно, и у высших военных чинов. Особую активность в поисках пути достижения почетного мира как для Германии, так и для Японии проявил назначенный 22 июля 1944 года военным министром фельдмаршал Х.Сугияма, ранее занимавший пост начальника генерального штаба армии. Он предлагал вернуться к "идее" выступить посредником на переговорах о прекращении советско-германской войны.

Как известно, советское правительство решительно отвергло подобное "предложение" японцев, сделанное в первый раз еще в 1943 году. Позиция СССР по этому вопросу была четко определена в приказе Верховного главнокомандующего от 1 мая 1943 года. В нем указывалось: "Болтовня о мире в лагере фашистов говорит лишь о том, что они переживают тяжелый кризис. Но о каком мире может быть речь с империалистическими разбойниками из немецко-фашистского лагеря, залившими кровью Европу и покрывшими ее виселицами? Разве не ясно, что только полный разгром гитлеровских армий и безоговорочная капитуляция гитлеровской Германии могут привести Европу к миру? Не потому ли болтают немецкие фашисты о мире, что они чувствуют приближение грядущей катастрофы?"[16].

В 1943 году советское правительство отказалось принять предложение Японии о приеме в Москве специальной "миротворческой миссии", заявив: "При существующей обстановке в условиях нынешней войны Советское правительство считает возможность перемирия или мира с гитлеровской Германией или ее сателлитами в Европе совершенно исключенной".

Несмотря на заявленную советским правительством твердую позицию по поводу "перемирия", спустя год Сугияма и его единомышленники сочли возможным вновь предложить СССР свои "услуги", считая, что изменившаяся обстановка якобы этому способствует. 5 сентября 1944 года Сугияма на заседании Высшего совета по руководству войной* следующим образом оценил ситуацию и шансы на успех посреднической роли Японии: "Командование сухопутных сил, основываясь на данных разведки, считает, что Советский Союз с начала войны с Германией уже потерял более 15 миллионов человеческих жизней, лишился большой части материальных средств и испытывает усталость от войны. К тому же международная обстановка такова, что наблюдаются противоречия между СССР и Великобританией в Средиземном море, в Юго-Восточной Европе, районе северных морей и других местах. Не исключена даже возможность военного столкновения между США и СССР. С другой стороны, хотя Гитлер вновь планирует наступление на восточном фронте, он вполне сознает невыгодность продолжения войны с СССР. Таково реальное положение, существующее между Германией и Советским Союзом. Именно поэтому складывается благоприятный момент для активной посреднической помощи Японии в достижении перемирия между Германией и СССР"[17].

Вскоре японское правительство предприняло конкретные шаги, направленные на организацию такого посредничества, направив через японского посла в СССР Сато предложение советскому правительству о посылке в Москву специальной миссии. Токио мотивировал свое предложение желанием обменяться мнениями по вопросам советско-японских отношений.

Посольству СССР в Вашингтоне было поручено информировать американское правительство о зондаже Японии. В телеграмме В.Молотова от 23 сентября послу А.Громыко поручалось конфиденциально довести до сведения американцев, что "Советское правительство, зная хорошо, что указанная миссия имеет своей задачей не столько вопрос об отношениях между Японией и СССР, сколько выяснение вопроса о возможности заключения сепаратного мира между Германией и СССР, отклонило предложение японского правительства"[18].

Хотя американцы по линии своей разведки знали о замыслах японского правительства втянуть СССР в переговоры с Германией,

---

* Высший совет по руководству войной был создан в августе 1944 года. В его состав входили премьер-министр, министр иностранных дел, военный и военно-морской министры, начальники генеральных штабов армии и флота, а также их заместители.

официальное уведомление об этом, а также строгое выполнение советским руководством обязательств по недопущению любых сепаратных переговоров с противником убеждало их в том, что СССР ведет честную игру и будет верен всем взятым на себя обязательствам, в том числе в отношении Японии. Рузвельт не преминул выразить свое удовлетворение по этому поводу. В своем послании Сталину от 5 октября 1944 года он писал: "...Теперь Вы, вероятно, уже получили от генерала Дина сообщение о позиции нашего Объединенного штаба по поводу войны против Японии, причем я хочу еще раз повторить Вам, что я полностью принимаю те заверения по этому вопросу, которые Вы дали нам. Наши три страны ведут успешную войну против Германии и, конечно, мы с неменьшим успехом можем объединиться в разгроме нации, которая является, я уверен, столь же большим врагом России, как и нашим"[19].

В октябре после очередной беседы со Сталиным Гарриман информировал Вашингтон о том, что СССР не только дал согласие на вступление в войну, но и обязался направить на Дальний Восток максимальные силы.

7 ноября 1944 года Рузвельт в четвертый раз был избран на пост президента США. Своеобразным подарком Сталина американскому президенту стало упоминание им Японии в докладе, посвященном 27-й годовщине Октябрьской революции как "агрессивного государства". Тем самым по существу было выражено отношение к Японии как к государству, враждебному целям и задачам Советского Союза по скорейшему достижению мира. Слова Сталина обеспокоили японское правительство, воспринявшим их как указание на возможность присоединения СССР к борьбе с японскими агрессорами. По достоинству был оценен этот шаг Сталина американцами. "Гарриман не скрывал, - писал Громыко из Вашингтона, - что ему больше всего понравилось то место доклада Сталина, где он упоминает о Японии. Такая прямота, по словам Гарримана, в настоящее время явилась даже несколько неожиданной..."[20]

По мере того, как приближался срок новой встречи лидеров "большой тройки", шла подготовка к конференции, вырабатывались принципиальные позиции сторон. Хотя на Крымскую (Ялтинскую) конференцию были вынесены такие важные вопросы, как завершение войны против Германии, послевоенное устройство Европы, территориальные вопросы, учреждение Организации Объединенных Наций, США придавали особое значение обсуждению вопроса о полномасштабном участии СССР в войне с Японией. Государственный секретарь США Э.Стеттиниус признавал, что на Ялтинской конференции делегация США хотела прежде всего вступления СССР в войну против Японии[21].

Выполнение Советским Союзом задач по разгрому японских войск в Маньчжурии требовало от него больших усилий, новых человеческих жертв и материальных потерь, которые и без того были огромны. Сознавая это, лидеры США и Великобритании с пониманием относились к тем политическим условиям вступления в войну, которые выдвигало советское правительство.

14 декабря 1944 года посол США Гарриман на встрече со Сталиным сообщил, что президент просил его поставить перед Сталиным политические вопросы, относящиеся к Дальнему Востоку. Сталин ответил, что Советский Союз хотел бы вернуть Южный Сахалин, то есть вернуть то, что было передано Японии по Портсмутскому договору, а также Курильские острова.

Стремление Сталина вернуть СССР ранее принадлежавшие России дальневосточные территории отнюдь не было продиктовано намерением получить их в виде "платы" за участие в войне против Японии. Советское правительство никогда не отказывалось от этих земель, считая их российскими по праву первооткрытия и освоения. Напомним, что об этом прямо было заявлено министру иностранных дел Японии Ё.Мацуоке в апреле 1941 года в ходе переговоров о заключении советско-японского пакта о нейтралитете.

В Советском Союзе всегда считали, что рано или поздно эти территории должны быть возвращены и включены в состав страны. В связи с этим весьма характерен эпизод, приведенный известным советским писателем К.Симоновым. Он писал: "Когда в конце 30-х годов было принято решение о строительстве океанского военного флота на Дальнем Востоке, первый заместитель наркома Военно-морского флота СССР И.С.Исаков выразил Сталину свое недоумение по поводу этого решения правительства, считая его бессмысленным, так как Япония, владея южной частью острова Сахалин, блокирует все выходы этого флота в океан. Сталин спокойно заметил: "Подождите, будет вам и Южный Сахалин"[22].

О ЧЕМ ГОВОРИТ ИСТОРИЯ

Как известно, Южный Сахалин был отторгнут от России в результате русско-японской войны. Несколько иначе японцы утвердились на Курильских островах. В связи с этим представляется целесообразным изложить некоторые важные факты из истории этих островов, которые, по всей видимости, и лежали в основе предложения Сталина о передаче Курил Советскому Союзу.

Русские люди появились на Курильских островах еще в первой половине XVII века. Они изображались на картах, в том числе западноевропейских, как российские.

Май 1945 года. Представитель Верховного главнокомандования Советской Армии Г.К. Жуков открывает церемонию подписания Акта о безоговорочной капитуляции Германии. Но Вторая мировая война еще не завершена.

В течение XVIII века на Курильские острова не раз направлялись русские экспедиции, которые описывали их, изучали природные ресурсы, растительность, животный мир, налаживали контакты с

местным населением. В 1712 году, побывав на островах Итуруп и Уруп (южная часть Курильской гряды), есаул И.Козыревский сообщил, что тамошние люди живут "самовластно", то есть независимо, а "люди с острова Матсмая (Хоккайдо) к ним не ходят". В 1738-1739 годах экспедиция М.Шпанберга подробно исследовала Курильские острова. Она установила, что "под властью японского хана только один Матсмай остров, а прочие острова (Курильские - **А.К.**) неподвластны"[23]. Экспедицией были нанесены на карту все Курильские острова, которым были даны русские наименования[24]. Французская "Газет де Франс" писала 22 февраля 1740 года: "Открытие русскими Курил имеет для России огромное значение... Островитяне приняли экспедицию Шпанберга с многочисленными проявлениями дружбы".

К середине XVIII века Россия фактически установила над этими островами права владения. Признав подданство России, туземцы, как на северной, так и на южной части островов платили Российскому государству дань (ясак), приобщались к христианству, их дети обучались русской грамоте. На островах Шумшу, Парамушир, Симушир, Уруп и Итуруп были основаны русские селения, велось хозяйственное освоение этих территорий.

К концу 80-х годов XVIII столетия фактов русской деятельности на Курилах было накоплено вполне достаточно для того, чтобы, в соответствии с нормами международного права того времени, считать весь архипелаг, включая его южные острова, принадлежащими России. Это было зафиксировано в российских государственных документах. Прежде всего следует назвать императорские указы (в то время императорский или королевский указ имел силу закона) 1779-го, 1786-го и 1799 годов, в которых подтверждалось подданство России южнокурильских айнов (именовавшихся тогда "мохнатыми курильцами"), а сами острова объявлялись владением России.

Наряду с указами территориальная принадлежность всех Курил отражалась также на русских географических картах и атласах, служивших выражением официальной позиции правительства в отношении статуса той или иной территории, прежде всего территорий собственного государства. В частности, вся Курильская гряда, вплоть до северных берегов Хоккайдо, обозначалась как составная часть Российской империи в Атласе для народных училищ 1780-х годов, Атласе Российской империи 1796 года - главном официальном издании того времени, на "новейшей географической карте России" 1812 года[25].

Что же касается Японии, то она в то время являлась закрытой для внешнего мира страной (режим изоляции страны был введен в 1639 году и просуществовал до середины XIX столетия). Одним из главных элементов этой политики был запрет на выезд японских подданных из страны, запрет на строительство крупных судов и, естественно, связанная с этим политика нерасширения японской территории, искусственно консервировавшая Японию в рамках ее средневековых границ.

Отдельные контакты жителей самого северного японского княжества Мацумаэ с айнами Южных Курил отмечались в XVIII столетии, однако это были эпизодические торговые контакты с независимыми от Японии курильцами, которые к тому же центральным японским правительством не поощрялись. Как известно, еще в первой половине XIX века территорией Японии не являлась даже северная часть острова Хоккайдо, и японская граница проходила где-то посередине этого острова.

Сохранившаяся в Японии "Карта страны эры Сиохо", составленная по утверждению японской стороны в 1644 году, по существу ничего общего с географической реальностью не имеет. Она представляет собой не столько карту в подлинном смысле этого слова, сколько похожий на рисунок план-схему, по-видимому, сделанный кем-либо из японцев без личного знакомства с островами по рассказам аборигенов Курил - айнов. Эта схема лишь подтверждает тот факт, что японцам из княжества Мацумаэ было известно о существовании архипелага к северу от Хоккайдо.

Японскими источниками подтверждается, что русские появились раньше японцев на южнокурильских островах, в частности на острове Итуруп. В японских донесениях того времени указывалось, что на этом острове "проживает много иностранцев, одетых в рыжие одежды, и там строятся сторожевые посты". Когда японцы впервые попали на Итуруп в 1786 году, "некоторые из местных жителей айну уже свободно владели русским языком и могли быть даже переводчиками"[26].

Как уже отмечалось, в XVIII веке не только Курильские острова, но и север Хоккайдо не являлся японской территорией. В документе от октября 1792 года глава центрального правительства Японии Мацудайра признавал, что "район Нэмуро (северный Хоккайдо) не является японской землей"[27]. В то время Хоккайдо в большей своей части был не заселен и не освоен.

Продвижение японцев на Курильские острова осуществлялось как захват территории. Японский исследователь свидетельствует: "Высадившись 28 июля 1798 года на южной оконечности острова Итуруп, японцы опрокинули указательные столбы русских и поставили столбы с надписью: "Этороф - владение Великой Японии"[28]. В 1801 году японский вооруженный отряд пытался силой изгнать русских из их поселений на острове Уруп. Высадившись на острове, японцы поставили указательный столб, на котором вырезали надпись из девяти иероглифов: "Остров издревле принадлежит Великой Японии".

Японская экспансия на южные Курилы заметно активизировалась после создания в 1802 году в городе Хакодате на Хоккайдо специальной канцелярии по колонизации Курильских островов. Это проявилось в сносе русских знаков-крестов (в том числе на острове Уруп), насильственной высылке русских промышленников, запрещении айнам торговать и общаться с русскими.

Попытки Японии силой отторгнуть Курильские острова вызвали протесты со стороны российского правительства. Прибывший в 1805 году в Японию для установления торговых отношений российский посланник Н.П.Рязанов твердо заявил представителям японского правительства, что "на север от Матсмая (Хоккайдо) все земли и воды принадлежат российскому императору и чтобы японцы не распространяли далее своих владений"[29]. Однако захватнические действия японцев продолжались. При этом, кроме Курильских островов, они стали претендовать и на Сахалин, предпринимая попытки уничтожать на южной части острова знаки, указывающие на принадлежность этой территории России.

Россия стремилась к дружественным отношениям с Японией, к развитию с нею взаимовыгодной торговли. Однако японские правители, продолжая политику самоизоляции, отвергали предложения о налаживании межгосударственных связей. Когда в 1853 году Япония была "открыта" под

дулами пушек американских кораблей коммодора М.Перри, там находился представитель российского правительства генерал-адъютант Е.В.Путятин, который вел переговоры о заключении торгового соглашения. В отличие от американцев представители России стремились установить отношения с японцами мирными, дипломатическими средствами. Об этом свидетельствует инструкция, данная Путятину правительством, воздерживаться "от всяких неприязненных по отношению к японцам действий, стараясь достигнуть желаемого единственно путями переговоров и мирными средствами"[30].

Наряду с задачей установления дипломатических и торговых отношений миссия Путятина должна была оформить договором границу между Россией и Японией. При этом российское правительство стремилось закрепить существовавшее территориальное разграничение, добиваясь от Японии признания своих прав на Сахалин и все Курильские острова. Оно считало справедливым провести границу по исторически сложившемуся рубежу, а именно, по проливу Лаперуза и по южной оконечности Курильской гряды, в районе, отделявшем ее от острова Хоккайдо. Об этом со всей определенностью было заявлено в переданном 6 ноября 1853 года японскому верховному совету послании российского правительства, которое гласило: "Гряда Курильских островов, лежащая к северу от Японии, издавна принадлежала России и находится в полном ее заведывании"[31].

В ответ японские правители, считая себя находящимися в более выгодном положении, решили попытаться вынудить Путятина уступить Японии часть Курильской гряды. Сначала они выдвинули претензии на все Курильские острова. При этом, понимая необоснованность своих притязаний, японская сторона втайне была готова согласиться на установление исторически сложившихся границ в районе Сахалина и Курильских островов. К началу переговоров с миссией Путятина по приказу японских властей была подготовлена "Карта важнейших морских границ Великой Японии", на которой "линия ее границы на севере проведена жирной чертой по западному и северному побережьям о.Хоккайдо"[32], а все Курилы оставались вне японской территории.

6 января 1854 года, вернувшись из поездки в Китай, Путятин продолжил переговоры с японскими представителями. К этому времени Россия оказалась вовлеченной в Крымскую войну (1853-1856 годы), и ей пришлось в одиночку вести вооруженную борьбу с мощной коалицией Великобритании, Франции и Турции. В дальневосточные воды России была направлена объединенная англо-французская эскадра в составе 6 кораблей (212 орудий), которая неоднократно предпринимала попытки высадить десант на восточное побережье Камчатки и захватить Петропавловск.

Английские и французские корабли создавали постоянную угрозу и для миссии Путятина. Положение его еще более осложнилось, когда в результате землетрясения и цунами находившийся у берегов Японии его фрегат "Диана" потерпел крушение и команда во главе с генерал-адъютантом оказалась на берегу, в полной зависимости от благосклонности японских хозяев.

Все это не могло не сказаться на ходе переговоров. Стремясь использовать благоприятную обстановку, японская сторона усилила требования о включении южной части Курил и юга Сахалина до 50º северной широты в состав своего государства. В течение всего 1854 года японское правительство продолжало настаивать на удовлетворении этих требований. Путятин оказался перед выбором: или вернуться в Россию ни с чем, тем самым предоставив американцам практически монопольное право на выгодную торговлю с Японией и использование ее портов для захода своих торговых судов и кораблей, или пойти на компромисс. Согласие царского правительства на некоторые уступки Японии он имел.

Как уже отмечалось, основная позиция российской стороны состояла в том, что все Курильские острова "издавна принадлежат России". Однако на крайний случай была предусмотрена и возможность компромисса. Суть его состояла в уступке Южных Курил Японии. Разрешение на это было дано в качестве запасного варианта, оформленного в виде "Проекта дополнительной инструкции Генерал-адъютанту Путятину".

Возможность пожертвовать частью принадлежавших России Курильских островов обусловливалась стремлением получить выгоды от торговли. В "Проекте дополнительной инструкции" говорилось: "По сему предмету о границах наше желание быть по возможности снисходительными (не проронивая однако наших интересов), имея в виду, что достижение другой цели - выгод торговли - для нас имеет существенную важность"[33].

Сочтя сложившуюся на переговорах ситуацию тупиковой, Путятин решился воспользоваться запасным вариантом. В 1855 году он подписал Симодский трактат, по которому устанавливалось, что "границы между Россией и Японией будут проходить между островами Итуруп и Уруп", а Сахалин объявлен "нераздельным между Россией и Японией"[34]. В результате к Японии отходили острова Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп. Эта уступка была оговорена согласием Японии на торговлю с Россией, которая, однако, и после этого развивалась вяло.

После "революции Мэйдзи" 1868 года Япония вступила в борьбу за раздел мира. В 1874 году она напала на остров Тайвань и стала готовиться к войне с Китаем. Одновременно японское правительство добивалось установления границы с Россией на Сахалине по линии 47º северной широты или продажи Японии южной части Сахалина. Хотя эти "предложения" отвергались российским правительством, в обстановке опасности возникновения войны в Европе и приближения очередной войны с Турцией оно искало пути к стабилизации положения России на Дальнем Востоке.

В 1875 году царское правительство пошло на очередную уступку Японии. По подписанному в Санкт-Петербурге соглашению в "обмен" на отказ от претензий на Сахалин Япония получила в свое владение все принадлежавшие России Курильские острова вплоть до Камчатки. Хотя договор 1875 года именуют "обменным", в действительности речь шла не об обмене одной территории на другую, а о сдаче Курил в обмен на формальное признание Японией российских прав на Сахалин, который и так фактически принадлежал России.

Как и продажа в 1867 году американцам Аляски и Алеутских островов, уступка Японии Курильских островов была серьезной ошибкой царской дипломатии, нанесшей большой ущерб государственным интересам России на Тихом океане. "От обмена Курильских островов на Сахалин, - говорил один из царских дипломатов, - Россия не только не получила выгод, но наоборот, попала впросак, потому что, если Япония устроит сильный порт на каком-нибудь из Курильских остро-

вов и тем пресечет сообщение Охотского моря с Японским, Россия потеряет выход в Тихий океан и очутится как бы в сетях. Напротив, если бы она продолжала владеть Курильскими островами, Тихий океан был бы для нее всегда открыт"[35].

Принципиальные изменения в вопросе о государственной принадлежности Сахалина и Курильских островов внесла русско-японская война 1904-1905 годов. Уже сам факт вероломного нападения Японии на Россию являлся грубейшим нарушением положений Симодского трактата, в котором провозглашался "постоянный мир и искренняя дружба между Россией и Японией". Воспользовавшись поражением России в войне, Япония отторгла южную часть Сахалина, причем по 50º северной широты, а не по 47º, как этого добивалась Япония до подписания Петербургского трактата 1875 года. При этом важное значение имело то, что закрепление этого Портсмутским договором прекращало с юридической точки зрения действие "обменного" соглашения 1875 года, ибо отторжение южной части Сахалина привело к утрате его смысла и содержания. По инициативе японской стороны в приложение к протоколам Портсмутского договора было включено условие о том, что все торговые договоры Японии с Россией аннулировались Симодский трактат о торговле и границах 1855 года, по которому Япония получила южную часть Курил, а также так называемый "обменный" договор 1875 года и заключенный в 1895 году трактат о торговле и мореплавании. Это было специально оговорено в приложении № 10 к договору.

Таким образом, отторгнув Южный Сахалин, японское правительство лишило себя юридического права владеть Курильскими островами. В отсутствии какого бы то ни было нового соглашения о принадлежности Курил Япония владела ими только де-факто.

Портсмутский договор также был грубо нарушен Японией, когда она осуществила в 1918-1925 годах интервенцию против Советской России, оккупировав Приморье, Приамурье, часть Забайкалья и Северный Сахалин. Оккупация северной части Сахалина продолжалась до 1925 года, то есть еще три года после вывода японских войск с материковой территории российского Дальнего Востока и Сибири.

К моменту заключения 20 января 1925 года Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией не существовало какого-либо действующего двустороннего соглашения, определявшего принадлежность Курильских островов. Советское правительство, вынужденно согласившись подтвердить действенность Портсмутского договора, вместе с тем не считало себя связанным теми положениями этого договора, в которых говорилось об уступке Японии Южного Сахалина. Чтобы подчеркнуть это, советское правительство при подписании Конвенции огласило специальную декларацию, в которой была сделана оговорка о том, что "признание действительности Портсмутского договора от 5 сентября 1905 года никаким образом не означает, что правительство Союза разделяет с бывшим царским правительством политическую ответственность за заключение указанного договора"[36]. Конвенция не затрагивала вопроса о территориальном размежевании СССР и Японии. Потому для советского правительства вопрос о принадлежности Южного Сахалина и Курильских островов оставался открытым.

Немаловажное значение для безопасности СССР имело и то, что в 30-е годы подготовка Японии к войне против СССР проводилась не только на территории Маньчжурии и Кореи, но и на Южном Сахалине и Курильских островах. По японским планам размещенные на этих территориях войска должны были участвовать в захвате Северного Сахалина, Приморья и Камчатки. Во время хасанских (1938 год) и халхингольских (1939 год) событий эти войска находились в повышенной боевой готовности. Все это учитывалось при принятии решения вернуть эти территории в состав Советского Союза.

(Окончание следует)

---

1 *Кудо Митихиро*. Ниссо тюрицу дзёяку-но кэнкю. Токио, 1985, с. 166.
2 Там же, с. 169-170.
3 Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941 - 1945. Том 2. Москва, 1984, с. 20-21.
4 См. подробнее: Внешняя политика СССР. Сборник документов. Том V (июнь 1941 - сентябрь 1945). Москва, 1947, с. 364-365, 366-369.
5 Советско-американские отношения... Том 2, с. 78.
6 История второй мировой войны 1939-1945. Том 8. Москва, 1977, с. 34.
7 *Мэтлофф М*. От Касабланки до "Оверлорда". М., 1964, с. 425 (пер. с англ.).
8 FRUS. The Conferences at Cairo and Tehran. 1943, p. 766.
9 Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945. Том 1. Москва, 1986, с. 298.
10 Там же, с. 299-301.
11 Кампании войны на Тихом океане. М., 1956, с. 282 (пер. с англ.).
12 Переписка... Том 1, с. 157, 280.
13 Советско-американские отношения... Том 2, с. 210-211.
14 *Василевский А.М*. Дело всей жизни. Книга вторая. М., 1989, с.238-239.
15 Нихон дзёрику сакусэн. Бэйкоку кимицу бунсё. (Операции по высадке на территорию Японии. Секретные документы США). Токио, 1985, с. 94-95.
16 "Правда", 1 мая 1943 г.
17 *Кудо Митихиро*. Указ. соч., с. 197.
18 Советско-американские отношения... Том 2, с. 218.
19 Переписка... Том 2, с. 170-171.
20 Советско-американские отношения... Том 2, с. 256.
21 *Stettinius E*. Roosevelt and the Russians. The Yalta Conference. London, 1955, p. 90-91.
22 *Симонов К*. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. М., 1989, с. 427.
23 Международные отношения на Дальнем Востоке. Книга 1. М., 1973, с. 50-51.
24 *Полевой Б.П*. Первооткрыватели Курильских островов. Южно-Сахалинск, 1982, с. 70-71.
25 См. подробнее: *Зиланов В.К., Кошкин А.А., Латышев И.А., Плотников А.Ю., Сенченко И.А*. Русские Курилы: история и современность. М., 1995, с. 11-15.
26 *Накамура Синтаро*. Нихондзин то росиадзин. (Японцы и русские). Токио, 1978, с. 48, 59.
27 *Корияма Ёсимицу*. Бакумацу нитиро канкэй си кэнкю. (Исследование истории японо-русских отношений в период бакумацу). Токио, 1980, с. 231.
28 *Накамура Синтаро*. Указ. соч., с. 105.
29 "Проблемы Дальнего Востока", 1981, № 3, с. 129.
30 История второй мировой войны 1939-1945. Том 11. М., 1980, с. 162.
31 *Файнберг Э.Я*. Русско-японские отношения в 1697-1875 гг. М., 1960, с. 155.
32 *Черевко К.Е*. Япония на дальневосточных рубежах России и СССР (XVII - XX вв.). М., 1987, с. 74.
33 Русские Курилы, с. 41.
34 Международные отношения на Дальнем Востоке. Книга 1, с. 112.
35 Письмо Распопова Н - Щеглову А.Н. от 7/19 августа 1882 г. Цит. по: Россия и Япония на заре XX столетия. Аналитические материалы отечественной военной ориенталистики. М., 1994, с. 190.
36 Документы внешней политики СССР. Том VIII. М., 1963, с. 77.